

А.В. Новикова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА И ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Рассмотрены взгляды отечественных и зарубежных ученых в лингвистике, логике и философии на теорию возможных миров; представлены децентрированные модели возможных миров.

Ключевые слова: *возможные миры, художественные миры, актуальный мир, объективный мир, центрированная модель, децентрированная модель, внешняя и внутренняя референция, расширенная референция, онтологии, эпистемические контексты, расширенная метафора.*

В последнее время в лингвистике наблюдается развитие взглядов на художественный мир (*fiktionale Welt*) как разновидность возможных миров в их генерализованном логико-философском смысле (*mögliche Welten*).

Как пишет Г. Вайдахер, художественные миры представляют собой нечто отличное от возможных миров в их философской трактовке [1, с. 64]. Основное различие в трактовке художественных и возможных миров состоит в том, что возможные миры трактуются как альтернативно возможные, но не актуализированные следствия положения дел или ситуации, в то время как художественные миры рассматриваются как возможные или невозможные ситуации или следствия положения дел, которые могут быть актуализированы или не актуализированы в художественном мире. Художественные миры не имеют отношения к положениям дел или ситуациям объективного мира: «fictional facts do not relate what could have or could not have occurred in actuality, but rather, what did occur and what could have occurred in fiction» [2, с. 9].

Художественные миры представляет собой внутреннюю модельную структуру (*interne modale Struktur*), в которой выделяют актуальный мир (*aktuelle Welt*) [1, с. 64]: «the sphere regarded as real by the characters» [3, с. 720] – мир, воспринимаемый героями произведения как реальный, или миры, которые зависят от отдельных героев повествования, от того, во что они верят, о чем мечтают, что предвидят или представляют себе [1, с. 64]. Как пишет М.Л. Райен, «Among all the possible worlds which the reader is invited to take into consideration, one receives the special status of being *the* actual world by virtue of the author's decision to make it pass as such» [3, с. 720] – среди всех возможных миров, которые предлагаются читателю принять во внимание, один мир получает статус актуального, создаваемого автором мира.

Рассмотрим теорию Г. Вайдахера, которая используется им для доказательства различия в трактовке художественных и возможных миров. Г. Вайдахер говорит о том, что художественные миры не могут быть актуализированы в актуальном мире [1, с. 65], то есть речь идет об онтологической трактовке объективного мира, в котором действуют общепринятые законы и нормы (Г.В. Лейбниц, И. Кант, Дж. Локк, Г. Фреге, Б. Рассел и др.). В данном случае художественные миры представляют собой параллельные онтологии или так называемые альтернативные онтологии (*alternative ontologies*), которые создаются в рамках децентрированной модели возможных миров. При децентрированном подходе утверждается отсутствие иерархии и наличие множества актуальных миров (*multiple actual worlds*) с равным статусом в соответствии с индивидуальными представлениями субъектов о том или ином положении дел. Данный подход рассмотрен в работах Н. Гудмана и Р. Рорти, представителей англо-американской традиции аналитической философии [4, с. 14]. Данные онтологии создают новое ощущение реальности, которое отражается в содержании литературных произведений [4, с. 20]. В зарубежной лингвистике альтернативные онтологии рассматриваются как расширенная метафора (*extended metaphor*), под которой подразумевается создание нескольких ассоциативных метафор, связанных с базовым значением субстантивных фразеологических единиц [5]. По мнению П. Верта, прием создания расширенной метафоры основывается на двухслойном механизме концептуализации (*double-layered conceptualization*) [6]. По замечанию Ф. Кермоде, основное отличие современной пьесы состоит в том, что писатели не признают наличие заданной формы у универсума [1, с. 219].

Децентрированная модель трактовки возможных миров основывается на эпистемической концепции теории возможных миров, которая получила развитие в работах таких логиков, как Р. Карнап, С. Крипке, Б. Рассел, Я. Хинтиikka, В.В. Целищев и др.

В частности, у Я. Хинтиikka эпистемические контексты основаны на знаниях, вере, социальном положении того или иного индивида. Автор отмечает: «Используя пропозициональные установки, можно рассмотреть сразу несколько возможных состояний нашего мира» [7, с. 73]. Он приводит следующие примеры: **а** знает, верит, помнит, надеется, хочет, что **р**. При этом приписывание любой пропозициональной установки некоторому лицу связано с разделением всех возможных миров на два класса: первый из них включает возможные миры, согласующиеся с указанной установкой, а второй – несовместимые с ней. Например, если речь идет о том, что помнит **а**, то возможными мирами первого рода являются все возможные миры, совместимые со всем, о чем этот **а** помнит [7, с. 75]. Это означает, что произвольная интерпретация возможных миров недопустима. Важно и то, что любое видение текстовым субъектом действительного мира во многом «определяется границами его языка, или мира» [8, с. 81].

Вяч. Вс. Иванов выделяет «некие микромиры» субъекта, «фрагменты единого мира» [9, с. 16]. В.В. Целищев называет возможный мир строительным материалом, используемым для построения интенциональных семантик [10, с. 34]. Под интенциональными семантиками понимаются «локальные описания возможных положений дел, рамкой которых становятся интенции автора высказывания и употребляемые им средства» [11, с. 91], то есть речь идет об аксиологических признаках возможных миров.

В основе эпистемической теории лежит понятие субъекта как генератора возможных миров или так называемых ментальных картин мира или пространств *mental spaces* [1, с. 121]. С точки зрения субъекта возможный мир трактуется как «вариант видения реального мира, создаваемого для взаимодействия человека с действительностью» [11, с. 90]. Возможный мир интерпретируется как «личный мир» – «то интерсубъективное групповое поле, откуда «смотрит» определенным образом думающий и действующий человек» [12, с. 42] или как «виртуальные миры» – «иллюзорные опыты бытия» [13, с. 3]. Это значит, что истинность имеет подвижный характер. При таком ракурсе рассмотрения истинно то, во что верит субъект и что представляет его личный мир: восприятия, представления, мнения, знания субъекта. К примеру, «Загадка контекстов мнения» С. Крипке [14].

Другим доказательством различия в трактовке художественных и возможных миров, по мнению Г. Вайдахера, является логическая противоречивость художественных миров, что невозможно при логико-философской трактовке возможных миров [1, с. 65]. В данном случае речь идет о централизованной трактовке возможных миров, которая представляет классическую теорию возможных миров, развиваемую в работах Г.В. Лейбница, И. Канта, Дж. Локка, Г. Фреге, Б. Рассела и др. Согласно данной теории актуальный мир (*actual world*) противопоставлен всем остальным возможным мирам по принципу своей объективности. Г.В. Лейбниц называет возможные идеи реальными – это «идеи, которые имеют основание в природе и которые соответствуют реальной сущности и существованию вещей или прообразам, в противном случае они фантастичны, или химеричны» [15, с. 265–267].

Наглядным примером противоречивости художественных миров выступает произведение Ф. Кафки «Превращение» (*Die Verwandlung*), содержание которого не имеет основания в природе читателя: человек превращается в насекомое, – при этом в рамках художественного мира это воспринимается как реальное допустимое явление. Художественные миры представляют собой текстуальные конструкты, или, в терминологии Долежелы, так называемые "world-constructing texts" [1, с. 67].

Если следовать ходу размышлений Г. Вайдахера, очевидным представляется его стремление разделить внутреннюю, то есть художественную, и онтологическую (внешнюю) стороны трактовки возможных миров. Речь

идет о референциальном взгляде на трактовку возможных миров, в основе которой лежит понятие расщепленной референции, согласно которой косвенная, или внутренняя, референция построена на руинах референции прямой, или внешней [16]. Внешняя референция относится к действительному миру, а внутренняя референция отражает мир субъекта.

В современной отечественной лингвистике референциальный подход получил широкое развитие. Ученые интерпретируют референциальные аспекты возможных миров как «внешний» и «внутренний» аспекты возможных миров (О.В. Емельянова), как оппозиции «вне урны» и «внутри урны» (Э.В. Бардасова), «свои» и «чужие» миры (Ю.С. Степанов). При этом предметом изучения внешней референции возможных миров становятся трансформационные модели, не имеющие аналогов в действительном мире, такие как научно-фантастические миры (О.В. Емельянова), ирреальные и квазиреальные миры (Т.Р. Медведева), виртуальные миры (С.Д. Левина, Е.А. Луговая, В.П. Руднев), аномальные художественные миры (М.Ф. Мисник), утопические миры (Т.А. Розинкина). С точки зрения внутренней референции возможные миры – это истинные миры субъектов, трактуемые как воображаемые миры, существующие вне времени (Ю.С. Степанов), или интенционально истинные миры (З.Я. Тураева).

Наличие большого числа работ, посвященных изучению внешней и внутренней референции возможных миров, создает впечатление о наличии искусственного разграничения данных категорий. В художественном тексте мы, однако, наблюдаем модель дихотомического развития – взаимодействие художественного мира как актуального мира писателя и возможных миров, появляющихся у его персонажей в рамках их актуального художественного мира.

Интересной в данном смысле представляется модель децентрированной интерпретации возможных миров М.Л. Райен (рис. 1) [4, с. 160].

Разработанная модель децентрированной интерпретации возможных миров М.Л. Райен представляет хороший пример для понимания взаимодействия художественного мира, возможных миров внутри художественного мира и актуального мира читателя. Художественный мир представляет собой созданный автором универсум, внутри которого также актуализируются индивидуальные репрезентации реальности героев произведения. На данной модели они представлены как неактуальные возможные миры, так как не могут получить реализации в актуальном мире читателя. Несомненным достоинством данной модели представляется наличие неотъемлемой связи художественного мира с объективной реальностью – это «та нить, которая не дает превратиться мысли в безумие» [17, с. 287] и вносит порядок в кажущийся хаос.

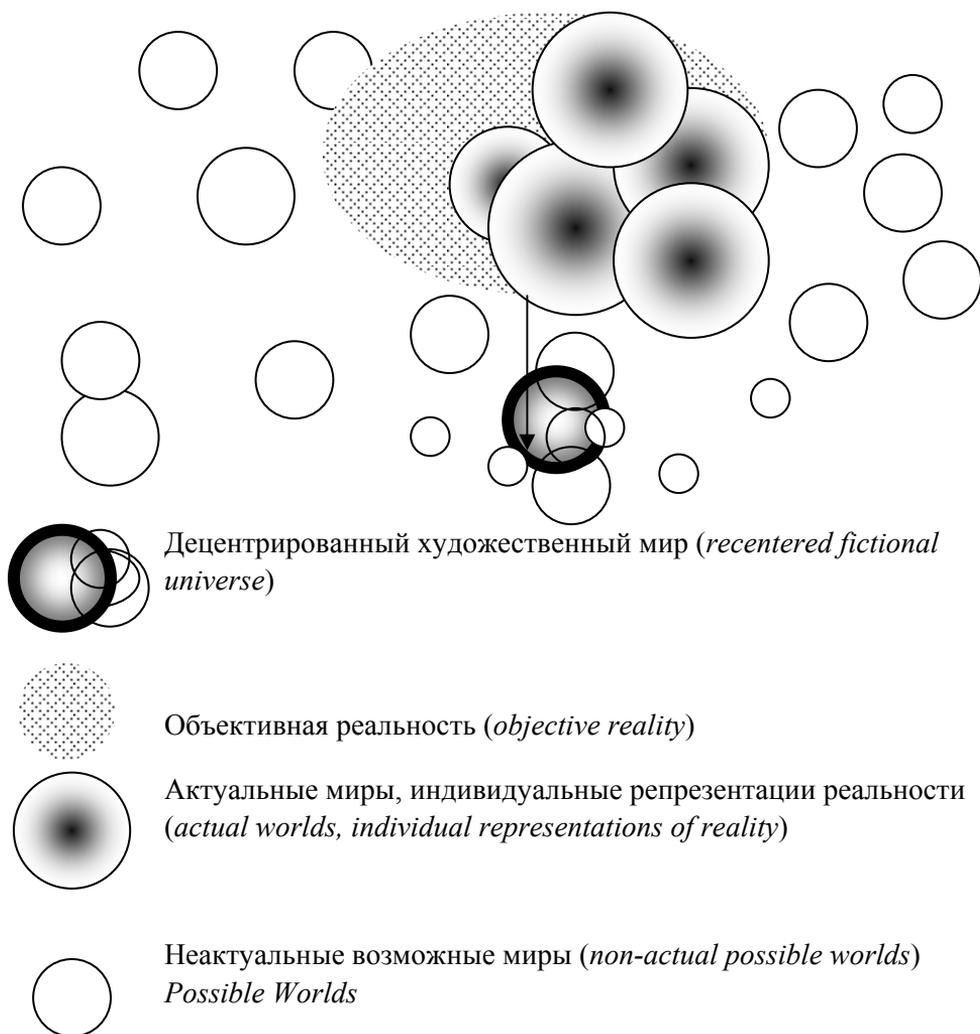


Рис. 1. Децентрированная модель возможных миров
(*A Recenterable Possible-Worlds Model*)

Н. Гудман предлагает иную модель представления взаимодействия актуального мира и возможных миров (рис. 2) [4, с. 155]. Согласно теории Н. Гудмана актуальный мир представляет собой комбинацию «правильных» вариантов возможных миров (*right world versions*) [18, с. 51]. Согласно данной концепции возможные миры обладают генерирующей силой создания актуального мира (*world-creating power*). Н. Гудман пишет: “For many purposes, right world-descriptions and world-depictions, the ways – the – world – is, can be treated as our worlds [19, с. 4] – По многим причинам правильные ха-

раактеристики и описания миров, способы представления мира таким, какой он есть, могут рассматриваться как наши миры. В совместной работе К. Элджин и Н. Гудмана авторы пишут: “We make worlds by making right world versions” [18, с. 51] – мы создаем миры, создавая правильные версии мира. При этом понятие правды – истины (*truth*) заменяется понятием правота (*rightness*), снимая тем самым проблемы наличия только одной единственной истины, так как правота, или, как принято в отечественной лингвистике – правда (Н.Д. Арутюнова), определяется индивидуальными представлениями субъектов о том или ином положении дел. “Many world versions – some conflicting with each other, some so disparate that conflict or compatibility among them is indeterminate – are equally right ... Rightness, however, is neither constituted nor tested by correspondence with a world independent of all versions [20, с. 39] – Многие версии мира – некоторые находятся в конфликте друг с другом, другие настолько несопоставимы, что определить их различие или совместимость невозможно – обладают одинаковой правотой. Правота не утверждается и не проверяется по отношению к миру независимо от всех версий.

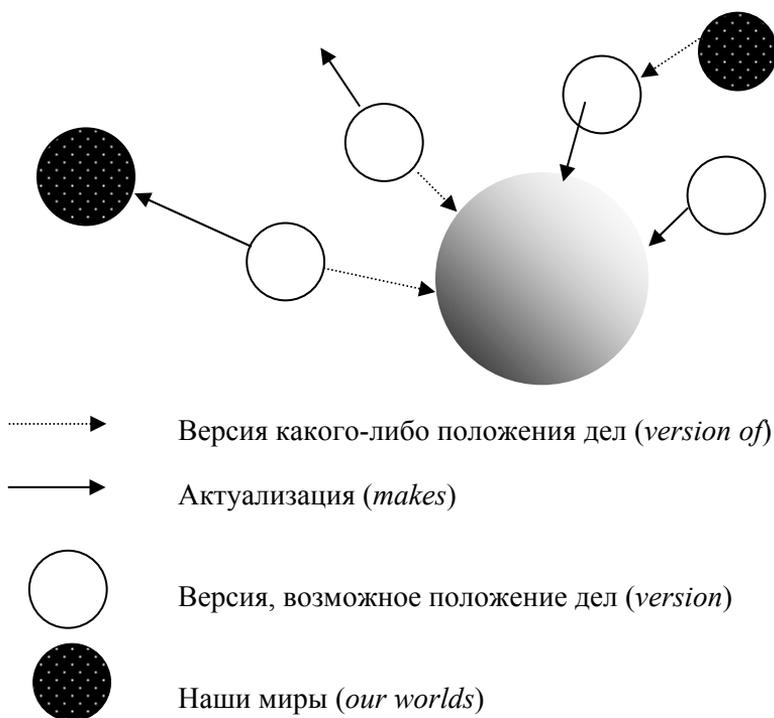


Рис. 2. Модель Н. Гудмана, множественность возможных миров
(*Nelson Goodman's Many-Worlds Model*)

Анализ существующих в отечественной и зарубежной лингвистике, логике и философии взглядов ученых на теорию возможных миров еще раз подтверждает широкий спектр актуализации данной категории. Независимо от выбора подхода, централизованного или децентрализованного, необходимо помнить об онтологической природе возможных миров, которая существует априори и присутствует явно или неявно во всех формах актуализации возможных миров.

Список литературы

1. Weidacher G. Fiktionale Texte – Fiktive Welten: Fiktionalität aus text-linguistischer Sicht. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2007.
2. Ronen R. Possible Worlds in Literary Theory. – Cambridge; New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1994.
3. Ryan M.L. The Modal Structure of Narrative Universes // Poetics Today. – 1985. – No. 6 (4). – S. 717–755.
4. Ryan M.L. The Text as World Versus the Text as Game: Possible Worlds Semantics and Narrative Theory // Journal of Literary Semantics. – No. 27(3). – Berlin: Walter de Gruyter, 1998. – P. 137–163.
5. Nacicsione A. Phraseological units in discourse: towards applied stylistics. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001.
6. Werth P. Extended Metaphor – a Text-World Account. – University of Amsterdam, The Netherlands [Электронный ресурс]. – URL: <http://lal.sagepub.com/content/3/2/79.abstract> (дата обращения: 03.02.2013).
7. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М., 1980.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Наука, 1958.
9. Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики 1980. – М.: Наука, 1982. – С. 5–19.
10. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. – Новосибирск: Наука, 1977.
11. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2006.
12. Балалаева Н.К. Возможные миры повседневной реальности. – Хабаровск: Изд-во ДДГУПС, 2006.
13. Каюров П.А. Статус «фиктивной онтологии», референция и вымышленная реальность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2005.
14. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 18. – С. 194–241.
15. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: М.: Мысль, 1982. – Т. 1; М.: Мысль, 1983. – Т. 2; М.: Мысль, 1984. – Т. 3; М.: Мысль, 1989. – Т. 4.

16. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1980. – С. 416–434.
17. Толкиен Дж. Р.Р. О волшебных сказках // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 277–300.
18. Goodman N. and Elgin C.Z. Reconceptions in the Philosophy and Other Arts and Sciences. – London: Routledge, 1988.
19. Goodman N. Ways of Worldmaking. – Indianapolis: Hackett, 1978.
20. Goodman N. Of Mind and Other Matters. – Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1984.

Получено 14.02.2013

A.V. Novikova

INTERACTION OF FICTIONAL WORLD AND POSSIBLE WORLDS

This article covers the views of domestic and foreign scientists in linguistics, logics and philosophy on possible worlds' theory. The article shows decentered models of possible worlds.

Keywords: *possible worlds, fictional worlds, actual world, objective world, centered model, decentered model, external and internal reference, split reference, ontologies, epistemic contexts, extended metaphor.*